

Л. В. Максимов

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЭТИЧЕСКОГО АБСОЛЮТИЗМА КАНТА

Аннотация: в статье анализируется связь кантовской эпистемологии и этики. Показано, что позиция Канта как теоретика морали и моралиста, отстаивающего концепцию этического абсолютизма, является в конечном счете следствием ошибочной трактовки морали как особого рода «знания» и, соответственно, результатом искусственного внедрения в этический дискурс априористско-конструктивистской методологии.

Ключевые слова: философия, этика, абсолютизм, эпистемология, гносеоцентризм, когнитивизм, эмпиризм, априоризм, конструктивизм, этический натурализм.

Под «этическим абсолютизмом» обычно понимается особая *ценностная позиция субъекта*, воспринимающего некоторые специфические правила поведения (относимые к классу моральных норм) как неизменные, неколебимые, объективные требования, содержание которых не зависит от его собственного (и других людей) произвола и интереса и которые безусловно обязательны для всех разумных (или «вменяемых») существ в любых обстоятельствах. Кроме того, этический абсолютизм – это еще и *теоретическая концепция*, доказывающая универсальность и непререкаемость моральных требований и объясняющая природу и источник этих особенностей морали.

По Канту, моральные императивы суть априорные продукты чистого разума, без всякой примеси «эмпирии», и именно поэтому они «категоричны» и «аподиктичны», т.е. необходимо – и, значит, объективно и абсолютно – истинны, подобно математическим аксиомам. Свое решение проблемы «идеальности», «необходимости» математических знаний, правил логики и математизированных законов естествознания (а именно – концепцию *синтетического априори конструирования* этого знания разумом или рассудком) Кант распространил на мораль, представив ее нормы как «чистые» (идеализированные) продукты той же конструктивной деятельности разума, а заодно и приписав разуму практическую способность побуждать «эмпирического субъекта» к исполнению этих норм.

Такое объяснение «абсолютности» морали (как, впрочем, и всех других ее отличительных свойств) полностью соответствует духу и букве конструктивистской эпистемологии Канта; можно поэтому сказать, что **моральный абсолютизм есть ответвление, прикладной аспект абсолютизма познавательного**. Вообще, ключ к пониманию всех особенностей Кантовой этики следует искать в его теории познания; соответственно, критический анализ тех или иных положений моральной философии Канта должен быть перенаправлен на их эпистемологические основания. Этот методологический ориентир кантоведения оправдан постольку, поскольку *вся философская система Канта, включая ее этическую составляющую, есть развернутая, детализированная эпистемология*. Кант (вместе с большинством современных ему философов) рассматривал мораль как особую форму «знания» (Erkenntnis) и исследовал ее именно в данном качестве.

Подобная трактовка природы морали не была результатом специального осмысления морального сознания и поведения в их непосредственной данности или выводом из какой-либо системы спекулятивных рассуждений, эта трактовка представлялась интуитивно ясной, самоочевидной, не нуждающейся в доказательстве или хотя бы в сколько-нибудь ясном ее формулировании. Внешне эта скрытая методологическая посылка выражалась, главным образом, в использовании специфической теоретико-познавательной терминологии для описания и истолкования

феноменов и основоположений морали, например: *a priori*, *a posteriori*, эмпирия, понятие, истина; объективность и необходимость суждений морали, их категоричность (в отличие от «гипотетичности») и пр. Свою задачу Кант видел в обосновании априорности морального «знания», в пику этическому натурализму, который он фактически отождествлял с эмпиризмом, т.е. противоположной априоризму, но тоже эпистемологической концепцией. «Высшие основоположения моральности и основные понятия ее, – писал Кант, – суть априорные знания: они не полагают: в основу своих предписаний понятия удовольствия и неудовольствия, влечений и склонностей и т.п., которые все имеют эмпирическое происхождение...»¹. Кант хотя и отличал «практическое» (т.е. моральное) знание от теоретического (или спекулятивного), однако связывал это отличие лишь с разным «применением» одной и той же познавательной способности – «чистого разума»: «...Теоретическое применение разума есть то, посредством которого я *a priori* (как необходимое) познаю, что нечто существует, а практическое – то, посредством которого я *a priori* познаю, что должно произойти»². Метафизику как «трансцендентальную науку» Кант делил на метафизику природы и метафизику нравов, характеризуя последнюю как «чистую мораль», «чистое учение о нравственности», которое «принадлежит к особому стволу человеческого, и притом философского, знания, основанного на чистом разуме...»³.

Таким образом, уже в «Критике чистого разума», главной кантовской работе, специально посвященной исследованию возможностей и пределов человеческого познания, были сформулированы исходные постулаты метафизики нравственности (подробно развернутые в последующих трудах), поскольку мораль естественным образом рассматривалась здесь как один из важнейших видов знания. По словам немецкого кантоведа У.Фогеля, «не будет, конечно, никакого насилия над первой «Критикой», если ей

приписать такую претензию: по крайней мере в самой общей форме сказать все необходимое не только о познаваемости природы, но и о морали... Кант в конце концов утверждает, что мораль можно считать упроченной и в рамках критического определения основ и границ нашего знания...»⁴.

Сходную мысль высказал американский философ Р.Рорти: «Кант позволил эпистемологии вступить в роль гаранта моральных предпосылок, которая раньше отводилась метафизике»⁵, – очевидно, метафизике в классическом докантовском смысле, т.е. умозрительной онтологии. Рорти, правда, отметил, что такого рода вписывание морали в эпистемологический контекст свойственно не только Канту, но и всей новейшей европейской философии («философии-как-эпистемологии», по выражению Рорти), причем среди предшественников Канта «Локк был первым, кто осознал, что всем метафизическим и этическим дискуссиям должны предшествовать эпистемологические исследования, и то, что Декарт и Спиноза говорили по этому поводу, было просто несистематическим и случайным»⁶.

Но независимо от того, кто первым выдвинул указанную идею (в поисках первоисточника можно ведь добраться и до Сократа), совершенно очевидно, что в философии Нового времени ее «гносеоцентризм» представление о морали как «знании из разума», как строгой науке, подобной математике, было весьма распространенным. Тем не менее Кантова концепция стоит особняком в этом ряду: если для классического гносеоцентризма в целом действительно подходит выражение «философия-как-эпистемология», указывающее по сути на то, что философия сузилась до эпистемологии, сосредоточившись на разработке теоретико-познавательных проблем, – то применительно к учению Канта более удачным был бы оборот «эпистемология-как-философия», подчеркивающий факт расширения эпистемологии до целостного и разветвленного мировоззрения, в котором ассимилирована и переработана вся традиционная философская

¹ Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 46. – Из приведенного высказывания явствует, что не только моральные предписания, но и удовольствие, влечение и по сути любые человеческие переживания трактуются здесь не как непознавательные феномены психики, а как «понятия», т.е. тоже «знания», правда, имеющие «эмпирическое происхождение».

² Там же. С. 381.

³ Там же. С. 491.

⁴ Фогель У. К вопросу о системных идеях Канта // Иммануил Кант: наследие и проект. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 44.

⁵ Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. – С. 102.

⁶ Там же. С. 84. – Рорти отмечает, что автором этого высказывания является немецкий неокантонец Г.Файхингер.

проблематика, включая этическую. Эпистемология – не просто доминирующий элемент мировоззрения Канта, она фактически и есть его мировоззрение, мировидение в целом или, вернее, универсальный инструмент миропостроения; знание понимается не как нечто внешнее миру, не как его идеальное воспроизведение, но как субстрат мира – не только феноменального, но и ноуменального; не только мира природы, но и «мира свободы». «Физическое» *существует* как «эмпирическое»; «трансцендентальное» *существует* как «априорное»; и человек раздвоен в соответствии с той же эпистемологической меркой: он есть субъект «эмпирический» и одновременно «умопостигаемый». Все «духовное» есть «познавательное»; и разум, и чувства суть познавательные способности, причем к области «чувственного» как «эмпирического» Кант относил не только перцепции (ощущения и восприятия), но и эмоции (аффекты, желания, интересы и пр.). Иными словами, эмпирическое и априорное как понятия эпистемологии оказываются у Канта одновременно и бытийными характеристиками природы и духа.

Этот беспредельный эпистемологизм (или «когнитивизм», если использовать термин, вошедший в оборот в XX веке)⁷ в его «этическом» приложении ограничивает возможности пост-

роения адекватной теоретической модели того духовного феномена, который в европейской культуре мыслится в понятии морали, поскольку когнитивизм либо вовсе игнорирует такие сущностно-необходимые *непознавательные* элементы живого морального сознания, как особого рода побуждение (например, чувство долга), переживание (одобрение, осуждение и др.), либо искусственно приписывает им познавательный статус.

Вместе с тем кантовский этический абсолютизм нельзя считать прямым следствием описания и интерпретации морали в терминах теории познания; сам по себе универсальный эпистемологизм – это лишь предпосылка абсолютизма, подлинным же его источником явилась главная революционная идея кантовской теории познания, выдвижение которой сам Кант сопоставлял с *коперниканским переворотом* в астрономии: «До сих пор считали, что всякие наши знания должны сообразоваться с предметами. При этом, однако, кончались неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием, — а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны. Здесь повторяется то же, что с первоначальной мыслью Коперника: когда оказалось, что гипотеза о вращении всех звезд вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет движения небесных тел, то он попытался установить, не достигнет ли он большего успеха, если предположить, что движется наблюдатель, а звезды находятся в состоянии покоя»⁸. В другом месте Кант уже уверенно утверждает, что «мы сами вносим порядок и закономерность в явления, называемые нами *природой*, их нельзя было бы найти в явлениях, если бы мы или природа нашей души не вложили их первоначально»⁹. В этом и состоит суть эпистемологического конструктивизма¹⁰, примененного Кантом не

⁷ Термин «когнитивизм» первоначально имел весьма ограниченную область применения: в метаэтике (одной из школ аналитической философии) «когнитивистами» называли тех, кто считал, что моральные суждения (оценочные и нормативные) могут быть истинными или ложными в обычном эпистемологическом смысле и, следовательно, причислял моральные принципы, идеалы и нормы к корпусу знания; позднее этот термин стал применяться для обозначения методологической позиции, согласно которой любые ценностные суждения могут быть редуцированы к знанию; наконец, под «когнитивизмом» в самом широком смысле понимается имеющий долгую историю парадигмальный (обычно несознаваемый самими философами) подход, трактующий все духовные феномены и процессы как знание и познание. Противоположная когнитивизму концепция, именуемая «некогнитивизм», настаивает на принципиальной несводимости к знанию некоторых феноменов человеческого духа – эмоций, переживаний, мотивов, целей, ценностных установок и пр. – См.: Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: РОС-СПЭН, 2003; Максимов Л.В. Когнитивный редукционизм в науках о духе // Когнитивный подход. Научная монография / Отв. ред. В.А.Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2007. С. 165–201.

⁸ Кант И. Критика чистого разума. Указ. изд. С. 18.

⁹ Там же. С. 513.

¹⁰ В кантоведческой литературе имеет хождение ошибочная, на мой взгляд, мысль о том, будто конструкти-

только к познанию природы, но и к морали как знанию. По словам К.Поппера, «Кант сделал человека законодателем морали таким же самым образом, каким он сделал его законодателем природы»¹¹.

Вместе с тем вряд ли можно безоговорочно утверждать о «первичности» кантовской конструктивистской теории познания по отношению к этике (как теоретической трактовке морали и моралистике), т.е. полагать, будто Кант сначала разработал свою теорию познания, совершив «коперниканский переворот», а потом уже применил эти свои разработки для интерпретации морали и для определения моральной позиции. Конечно, такое утверждение имеет определенные основания, оно подкрепляется внешним обзором кантовских трудов, непосредственным усмотрением эксплицитно представленной в этих трудах последовательности рассуждений. Однако не лишена оснований и гипотеза о том, что Кант строил свою конструктивистскую эпистемологию (а тем самым – и всю философскую систему, парадигму которой образует эта эпистемология) в значительной мере для того, чтобы найти в миропорядке место для морали.

вистский подход имел место уже у Коперника и был по существу лишь заимствован у него Кантом. «Точно так же, как Коперник совершает переворот в отношениях между наблюдателем и объектом, заставляя последний соотносываться с первым, так и Кант отказывается от идеи, что наши познания должны соотносываться с предметами, в пользу идеи о том, что предметы должны соотносываться с нашим познанием», – пишет, например, Т.Рокмор в статье «Кант о репрезентационизме и конструктивизме» (Иммануил Кант: наследие и проект. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 96–97). Однако Коперник, как и автор геоцентрической модели Птолемей, ни на шаг не отступает от традиционного репрезентационизма; он вовсе не «заставляет» объект согласовываться с наблюдателем, а лишь дает новое объяснение непосредственно наблюдаемому движению небесных тел, нисколько не ставя под сомнение всецело объективный характер этого движения. Переключка Канта с Коперником проявляется не в содержательной и методологической общности их теорий, а в масштабности, радикальности их идей, переворачивающих привычные представления – в одном случае касательно способа познания (конструктивизм против репрезентационизма), в другом – относительно устройства Вселенной (гелиоцентризм против геоцентризма).

¹¹ Поппер К. Все люди – философы: Как я понимаю философию; Иммануил Кант – философ Просвещения. М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 50.

Эта гипотеза базируется на анализе скрытого контекста Кантовых построений, она трудно доказываема, ее высказывают лишь некоторые исследователи творчества Канта¹². Очевидно, однако, что для любого рефлектирующего социализированного субъекта (и Кант здесь – не исключение), мораль первоначально предстает в ее эмпирической данности – в качестве особого духовного комплекса, включающего специфический мотив, «чувство долга», «совесть» и пр.; и уже обыденная рефлексия обнаруживает необычность, «неестественность» морального долженствования в сравнении с другими, «естественными» побудителями человеческого поведения – интересами, склонностями и пр. Эта моральная экзотика еще задолго до Канта привлекала внимание философов, и поскольку она трудно поддавалась объяснению с позиций классического натурализма, образовалось обширное свободное пространство для метафизических спекуляций на эту тему, в каком-то пространстве обосновалась и эпистемология Канта. Его философское учение в значительной мере подстроено под те специфические признаки морального императива (универсальность, категоричность, безличность, своеобразная объективность, автономия, независимость от всякого интереса и пр.), к открытию которых Кант фактически пришел – несмотря на решительное отрицание им подобного предположения – эмпирическим путем, через наблюдение реальных человеческих поступков в обычных житейских ситуациях, самонаблюдение, рефлексии и интроспекцию с последующим рациональным анализом полученных данных, их сравнением, обобщением и идеализацией. Правда, ставшая уже банальной в наше время мысль о том, что факты всегда теоретически нагружены, имела силу, конечно, и в эпоху Канта; поэтому надо учитывать, что моральную эмпирию он мог осмысливать только как теоретик, уже впитавший некоторые философские идеи своего времени и постепенно развивавший собственную систему взглядов; эти идеи – и заимствованные, и собс-

¹² «В сущности, для обоснования существования морали построена величайшая в истории философской мысли система... Кант не чем-то обосновывает мораль, а, напротив, фактом наличия морали обосновывает необходимую для этого структуру мира», – пишет Л.А.Калининников (Кант в русской философской культуре. Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2005. С. 30, 31).

твенные – во многом определили Кантову трактовку морали и его абсолютистскую позицию в качестве моралиста. Моральная феноменология, переплавленная в горниле рационалистического априоризма и конструктивизма, приобрела новые признаки, для которых в исходных эмпирических данных не было необходимого материала. В итоге Кант от имени «чистого практического разума» возвращает и навязывает «эмпирическому субъекту», у которого он как раз и взял начальные сведения о морали, уже существенно иную, препарированную метафизическим скальпелем «абсолютную мораль», адресуя ее человечеству (и вообще всем «разумным существам») для практического применения. Последствия этого шага двойственны: с одной стороны, этика Канта как объяснительная теория позволила разобраться в структуре человеческой мотивации, разграничить специфически моральные и неморальные побуждения; с другой стороны, эта этика, взятая многими последователями Канта в качестве основы морализирования, своим абсолютизмом нередко приводила к парадоксам, нелепостям или даже прямому аморализму. Кант вовсе не стремился согласовать теоретическую модель морали с фактически сложившейся «случайной» эмпирией человеческих мотивов, поскольку, в соответствии с его «коперниканской» эпистемологией, чистый разум не *выявляет* сокрытый в этой эмпирической массе необходимый нравственный закон, а наново *продуцирует* его, движимый непреодолимой имманентной тягой к формулированию всеобщих законодательных положений...

Конструктивистская методология определяет каждый шаг Канта как философа морали и моралиста. Априористский конструктивизм благодаря заложенной в нем идее активности человеческого разума позволяет *по видимости* подвести под эту активность равным образом как теоретическое познание, так и практическое целеполагание, а также реальное побуждение к действию, причем все эти акции и их продукты предстают в их стерильной чистоте и абсолютной необходимости; концептуально же их объединяет широко трактуемый «закон» – одно из главных понятий Кантовой эпистемологии. Как уже отмечено, познающий разум, по Канту, не выявляет законы, а «дает» их миру, в этом как раз и заключается «познание из разума»; конструируемые а priori законы «необходимы» и в этом смысле объективны. В поня-

тии закона эклектически смешивается сущее и должное, дескриптивное и прескриптивное: разум «дает... законы, которые суть императивы, т.е. объективные законы свободы, и указывают, что должно происходить, хотя, быть может, никогда и не происходит; этим они отличаются от законов природы, в которых речь идет лишь о том, что происходит; поэтому законы свободы называются также практическими законами».¹³ Но ведь и законы природы «даны» конструктивным разумом и, значит, «предписывают» вещам способ поведения; поэтому, несмотря на указанное Кантом различие законов «природы» и законов «свободы», законов «существования» и законов «долженствования», его коперниканский конструктивизм как единый, универсальный подход к построению картины мира во всех ее частях препятствует последовательному размежеванию этих двух типов законодательства разума: фактически Кантово понятие закона несет в себе (иногда явно, но чаще скрыто) императивность по отношению к вещам точно так же, как по отношению к разумным существам¹⁴.

Вообще говоря, трактовка объективных естественных законов как «императивов» (только исходящих не от безличного «разума», а от Бога или самой Природы) – это древняя антропоморфистская идея, в основе которой – тенденция к описанию и объяснению природных процессов по аналогии с общественными, с соответствующим переносом регулятивно-побудительного смысла социальных норм на внечеловеческое бытие. Четкая дифференциация закона-нормы и закона как объективно-необходимой, устойчивой связи вещей совершилась впервые в научном сознании Нового времени. Кант же по сути сделал шаг назад, совместив в понятии нравственного закона – как продукта чистого разума – объективную необходимость естественного закона (правда, необходимость априорно-логическую, а не онтологическую) и императивность социальной нормы. Благодаря такому совмещению и стало возможным представление моральных императивов в качестве универсальных, объективных и тем самым абсолютно обязательных для всех разумных существ вменений. Таким образом, *прескриптивный* нрав-

¹³ Там же. С.470.

¹⁴ «Всеобщий принцип нравственности: точно так же лежит в основе всех действий *разумных* существ, как закон природы в основе всех явлений» (Кант И. Основы метафизики нравственности // Указ. изд. С. 297).

твенный закон («категорический императив») был выведен Кантом на основании постулированной им способности (и «потребности») разума комбинировать *всеобщие* законы (хотя выведение императива из *дескриптивного* понятия «всеобщности» логически недопустимо)¹⁵; моральное долженствование, лишенное «материи желаний» и вообще всякой опоры в человеческой психике, было истолковано как выражение некоей спекулятивной «необходимости»¹⁶; а способность разума превращать это бесплотное долженствование в реальную побудительную силу поведения обосновывалась посредством простой, многократно повторяющейся в трудах Канта формулы, констатирующей якобы очевидный факт – «разум *определяет* (bestimmt) волю».

Эти ключевые положения, кажущиеся вполне понятными и убедительными для множества читателей и почитателей Канта, похоже, не вполне удовлетворяли его самого. На последних страницах «Основ метафизики нравственности» он высказал ряд оговорок, по существу дезавуирующих те постулаты, которые составляли фундамент его этической концепции. По словам Канта, «объяснить: каким образом чистый разум сам по себе, без других мотивов, откуда-то извне заимствованных, может быть практическим, т.е. как один лишь *принцип общезначимости всех максимум разума как законов*: может сам по себе служить мотивом и возбуждать интерес, который назывался бы чисто *моральным*, или, иными словами, как *чистый разум может быть практическим*, – дать такое объяснение

никакой человеческий разум совершенно не в состоянии, и все усилия и старания найти такое объяснение тщетны»¹⁷. Вряд ли разрушительная сила этого признания могла быть снята или уменьшена тем проскальзывающим в контексте Кантовых рассуждений (хотя явно не формулируемым) доводом, что непонятное и необъясненное все же может быть принято в качестве непосредственно данного, самоочевидного: этот довод в данном случае не работает, поскольку рассматриваемые постулаты вовсе не являются констатациями очевидных фактов, они концептуальны и потому для удостоверения истинности нуждаются в рациональном обосновании, возможность которого Кант как раз и отвергает со всей решительностью. Своим признанием непостижимости того способа или механизма, каким «чистый» разум оказывается в состоянии выполнять «практическую» (т.е. императивно-побудительную) функцию, Кант по сути оставил обширное свободное пространство для критики своей теории морали со стороны современных ему и будущих оппонентов – «натуралистов», эмпириков, сентименталистов, эмотивистов, – которые отрицали саму возможность для разума как исключительно инструмента познания быть одновременно генератором целей, ценностных идеалов, норм и пр. и рассматривали мораль как феномен, принципиально объяснимый в понятиях естественной каузальности, без обращения к «трансцендентальным идеям» и вообще к любой «метафизике».

Натурализм, представленный в истории моральной философии рядом крупных фигур,

¹⁵ Действительно, даже если согласиться с «коперниканской» идеей кантовской эпистемологии относительно того, что «чистый разум» в своей познавательной деятельности конструирует всеобщие «законы сущего», то это еще не означает признания его способности конструировать «законы должного». В том, что Кант допускает такого рода ошибку, можно убедиться, проследив ход его рассуждений (правда, довольно громоздких и не вполне прозрачных), итогом которых явились две формулировки категорического императива (см.: Кант И. Основы метафизики нравственности // Указ. изд. С. 260–261). Поэтому известный «принцип Юма», инкриминирующий всей прежней моральной философии логически незаконный переход от суждений сущего к суждениям должного, очевидно, имеет силу и по отношению к философской концепции Канта.

¹⁶ См.: Кант И. Основы метафизики нравственности. Указ. изд. С. 237; Критика чистого разума. Указ. изд. С. 335.

¹⁷ Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч.: В 6 т. М., 1965. – Т.4 (1). С. 308. – И еще: «...Совершенно невозможно уяснить себе, т.е. а priori растолковать, как может одна лишь мысль, не содержащая в себе ничего чувственного, вызвать ощущение удовольствия или неудовольствия; ведь это есть особый род причинности, относительно которого, как и относительно всякой причинности, мы ничего не можем определять а priori и поэтому вынуждены осведомляться о нем только у опыта. Но так как опыт может показать нам только одно отношение причины к следствию – отношение между двумя предметами опыта, здесь же чистый разум при помощи одних лишь идей (которые вовсе не служат предметом для опыта) должен быть причиной следствия, которое, конечно, находится в опыте, – то объяснение, как и почему нас интересует *всеобщность максимумы как закона*, стало быть нравственность, нам, людям, совершенно не по силам» (там же. С. 306–307).

хотя и преуспел в критике метафизических (а частично и эпистемологических) оснований Кантовой этики, не смог, однако, выработать убедительной позитивной концепции, сопоставимой по глубине и методологической последовательности с учением Канта, и прежде всего – с его трактовкой формальной и содержательной специфики морали, отделяющей ее от прочих ценностно-регулятивных форм сознания. Общая направленность различных натуралистических теорий, описывающих и объясняющих мораль, заключается в методологической *редукции* моральных норм и мотивов, в их сведении к так или иначе понятым «естественным»

человеческим *интересам*, что неизбежно приводит к теоретическому уничтожению – вместе с «метафизикой» – также и самой морали в ее специфичности. Между тем натуралистическая парадигма сама по себе вовсе не предполагает с необходимостью именно такого движения этической мысли; нет никаких принципиальных препятствий для того, чтобы, оставаясь в рамках этой парадигмы, разработать адекватную теоретическую модель морального феномена с сохранением в ней тех особенных, необычных свойств морали, которые открыты и описаны (хотя и в другой системе понятий) великим немецким философом.

Список литературы:

1. Калинин Л.А. Кант в русской философской культуре. Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2005.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
3. Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч. М., 1965. Т. 4. Ч. 1.
4. Максимов Л.В. Когнитивный редукционизм в науках о духе // Когнитивный подход. Научная монография / Отв. ред. В.А.Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.
5. Поппер К. Все люди – философы: Как я понимаю философию; Иммануил Кант – философ Просвещения. М.: Едиториал УРСС, 2003.
6. Рокмор Т. Кант о репрезентационизме и конструктивизме» (Иммануил Кант: наследие и проект). М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.
7. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997.
8. Фогель У. К вопросу о системных идеях Канта // Иммануил Кант: наследие и проект. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.